

СЕКРЕТ ПОЛИТИКА

ЛУЧШЕЕ И ХУДШЕЕ

ВПЕРЕДИ Новый год. Совсем скоро мы поднимем бокалы и забудем обо всем, наслаждаясь праздником. Ожидая бой курантов, есть повод оглянуться назад, вспомнить всё самое важное, яркое, знаковое, произошедшее в 2015 году. Для Иркутской области год был насыщен событиями во всех сферах, особенно бурной была политическая жизнь. Но что по-настоящему важным считают жители региона, читайте в нашем опросе.

Артем Иванов, руководитель маркетингового агентства:

Для бизнеса это был год испытаний и поиска. Знаковыми событиями для нашей компании стали участие в проектах Фонда поддержки предпринимателей Иркутской области и в чемпионатах по управленческой борьбе, старт проектов «Акселератор38», «Кадровый корпус» и проект «100Би». В обществе сложилось мнение, что кризис затормозил все процессы в бизнесе и экономике, но мы ищем и находим способы действовать и добиваться результата. В течение года мы внимательно смотрели, на чем можно сэкономить, где сократить расходы и на чем дополнительно заработать.

Год испытывал нас на веру в то дело, которое мы начали 11 лет назад, на прочность партнерских отношений и лояльность сотрудников. И что бы ни происходило, что бы ни говорили вокруг, мы подводим итоги уходящего года и с оптимизмом смотрим в будущее! Желаю в наступающем году отпели в бизнесе, терпения и веры в себя, сил и новых идей, отзывчивых клиентов и чутких сотрудников. И самое важное, чтобы не было войны! Мира каждому.

Виктор Кузеванов, научный руководитель Ботанического сада ИГУ:

Образно я бы сравнил этот год с ножницами, одним лезвием которых стали положительные события, вторым – отрицательные. И в целом весь этот механизм позволил что-то лишнее обрезать. А с другой стороны, эти ножницы перерезали ленточку, открыв для нашего ботанического сада новый этап.

Сложного и трагичного в 2015 году было много. В моей жизни произошло горе – ушел из жизни отец, ветеран войны. Что касается профессиональной деятельности, нас, как сейчас модно говорить, вывели из «зоны комфорта» и понизили статус Ботсада. Была попытка организовать захват части земель сада, чтобы построить там коттеджи. Но у этих событий есть и положительная сторона: нас поддержала общественность Иркутска и всей России, воспрепятствовав коррупционным действиям заинтересованных лиц.

Положительным моментом стало и то, что мы убедились в правильности поговорки «Сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя». После наших научных публикаций, разработок и выступлений, в том числе и в Государственной Думе, правительство оценило значимость иркутского Ботсада и впервые выделило целевые деньги на развитие нашего сада. Сумма невеликая – 15 миллионов рублей, но мы постараемся их эффективно использовать в интересах ученых и наших посетителей. Уверены, что сад станет обновленной площадкой для госуниверситета, других вузов, школ города. В России и за рубежом давно признан тот факт, что ботанические сады способны делать мир лучше, поэтому они создают на средства налогоплательщиков и являются антикризисными ресурсами развития стран. Возможности нашего сада действительно выходят за прокрустовы границы обычных ролей. Он может быть не только учебно-научной базой вуза, но и служить общественной площадкой для экологических проектов, просветительских программ.

Главное, мы увидели, что у нашей общественности есть здоровое, трезвое ядро. Ведь вокруг истории с защитой Ботанического сада в этом году сплотились горожане, представители всех партий. Мнение у них было одинаковое – сад должен жить, развиваться. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сейчас появилась надежда создать в Иркутске полноценный публичный и междисциплинарный «Зооботанический сад и экологический парк» на базе ресурсов университетского ботанического сада и лесного массива реликтовой Кайской рощи.

Серго Кантарчян, фотограф:

Хорошего было не так много. Всё хорошее, чем мог себя порадовать, я купил в 2014 году, когда курс доллара был не таким высоким. Негативно оцениваю информационную политику, направленную на разобщенность общества. Повестка дня формируется журналистами таким образом, что люди оказываются по разные стороны баррикад. В спорах на международные темы многие потеряли друзей.

Самым ярким творческим эпизодом 2015 года у меня стала съемка на Байкале каталога для одного российского бренда. Специально для этого из Москвы прилетели девушки-фотографы. Женская красота и величие нашего озера стали незабываемым впечатлением.

Татьяна Лобанова, эксперт бюро Русфонда в Иркутской области:

В уходящем году мы оказали помощь 30 тяжелобольным детям региона. Цифра выросла: в прошлом году удалось помочь 14 детям, а сейчас гораздо большему числу, и это радует. Радует, что благодаря нашим информационным партнерам о Русфонде стали знать больше, и теперь, если у человека есть желание помочь больному ребенку, он знает, как это можно сделать.

Значимым личным событием для меня стала встреча с однокурсниками с отделения журналистики ИГУ выпуска 2000 года. Приятно было увидеть своих однокурсников спустя 15 лет, неизменными, оставившими верными себе, выбранному пути.

О негативном. Ощущается рост напряжения в общественной политике, поэтому мне, как матери, как женщине, тревожно смотреть в завтрашний день. Трагедией стала гибель нашего самолета в Египте. И, как для всех журналистов, большой утратой стал уход из жизни Леонида Степановича Любимова, профессора ИГУ, нашего Учителя.

Главным на Новый год будет пожелание мира в этом мире. И берегите своих близких!

Павел Добродеев, журналист, политический обозреватель:

Ярких и позитивных событий было немало, но все они у меня связаны с путешествиями. Самым интересным стало посещение Кипра. 2015 год я встречал именно там, в Ларнаке. Целую неделю мы колесили на прокатном автомобиле по острову и заезжали туда, куда хотели. Единственное неудобство доставлял курс евро, он прошлой зимой был очень высоким, как и нынче. Поэтому 2016-й я встречаю дома.

Прошедшие выборы губернатора были для меня ярким и позитивным событием года, результат которых значения здесь не имеет. Отмена выборов мэра важное событие, но для меня с негативным оттенком. В целом год, я считаю, был сложным и для меня лично, и для многих жителей области и страны. Очень хочется надеяться, что в 2016-м будет немного полегче.

За язык тянула Екатерина Григорова

Начало на стр. 1

«Чи варианты «Ave Maria» вы в то время исполняли на своих концертах?»

— Конечно – Франца Шуберта и Джулио Каччини, играл в дуэтах с органом, скрипкой. Другое, что есть еще, знал, но подробно их не изучал. Теперь же засел в архивах, начал отправлять запросы по всему миру.

«Имя одного композитора, «Ave Maria» которого включает необычайно красивую партию органа, а никогда раньше не встречала – это еще одно найденное сокровище из архива?»

— О, с этой мелодией получилась интересная история. Однажды в материалах из каннского архива я совершенно случайно обнаружил партитуру мелодии, которая оказалась мне гениальной. Имя автора, да, действительно, было совсем незнакомо. Начал искать биографию композитора, и оказалось, что Луи Мадрид Каллейя – это ныне живущий автор, написавший свою «Ave Maria» в 26 лет. Каково же было мое потрясение, когда я обнаружил его на «Фейсбуке». Написал, спросил, можно ли его мелодию использовать в моем проекте, в хорошей компании композиторов – Шуберта, Баха, Сен-Санса, Грига. Он моментально ответил: «Ок, только с одним условием: я хочу потом получить диск». С тех пор мы поддерживаем теплые отношения, и в видеоверсии «Розария», которую я готовлю сейчас, хочу сделать с ним интервью, чтобы он рассказал свою историю.

«Невероятно, новая «Ave Maria» в современном мире. И история, наверное, романтическая?»

— Конечно. Луи Мадрид Каллейя филиппинец, который эмигрировал в США, окончил Нью-Йоркскую консерваторию. Когда написал диплом, защитился и получил звание магистра, был влюблен, и в качестве благодарности за это чувство появилась душевная потребность написать «Ave Maria». По его рассказу, она далась ему необычайно легко: сел писать утром и завершил в обед. При этом чувствуется, что каждая нота там дышит вдохновением: получилось воздушно, динамично, умно (главное, что мне нравится, – это умяная музыка).

«А как же авторское право на мелодию и забыл о ней, приняв приглашение стать дирижером симфонического оркестра в Канаде. И, может, не вспомнил бы о ней, если бы через десять лет»

Написав, зарегистрировал авторское право на мелодию и забыл о ней, приняв приглашение стать дирижером симфонического оркестра в Канаде. И, может, не вспомнил бы о ней, если бы через десять лет

в ней я увидел некий апофеоз, квинтэссенцию смыслов этой молитвы, поэтому она у меня десятая, завершающая, и после нее идет «Глория».

— Имя одного композитора, «Ave Maria» которого включает необычайно красивую партию органа, а никогда раньше не встречала – это еще одно найденное сокровище из архива?»

— О, с этой мелодией получилась интересная история. Однажды в материалах из каннского архива я совершенно случайно обнаружил партитуру мелодии, которая оказалась мне гениальной. Имя автора, да, действительно, было совсем незнакомо. Начал искать биографию композитора, и оказалось, что Луи Мадрид Каллейя – это ныне живущий автор, написавший свою «Ave Maria» в 26 лет. Каково же было мое потрясение, когда я обнаружил его на «Фейсбуке». Написал, спросил, можно ли его мелодию использовать в моем проекте, в хорошей компании композиторов – Шуберта, Баха, Сен-Санса, Грига. Он моментально ответил: «Ок, только с одним условием: я хочу потом получить диск».

С тех пор мы поддерживаем теплые отношения, и в видеоверсии «Розария», которую я готовлю сейчас, хочу сделать с ним интервью, чтобы он рассказал свою историю.

«Невероятно, новая «Ave Maria» в современном мире. И история, наверное, романтическая?»

— Конечно. Луи Мадрид Каллейя филиппинец, который эмигрировал в США, окончил Нью-Йоркскую консерваторию. Когда написал диплом, защитился и получил звание магистра, был влюблен, и в качестве благодарности за это чувство появилась душевная потребность написать «Ave Maria». По его рассказу, она далась ему необычайно легко: сел писать утром и завершил в обед. При этом чувствуется, что каждая нота там дышит вдохновением: получилось воздушно, динамично, умно (главное, что мне нравится, – это умяная музыка).

Написав, зарегистрировал авторское право на мелодию и забыл о ней, приняв приглашение стать дирижером симфонического оркестра в Канаде. И, может, не вспомнил бы о ней, если бы через десять лет

Андрей Гедеон: «Надо не существовать, а жить!»

после ее создания в один день одновременно не пришли два запроса на ее использование: от меня из Сибири и от детского хора из Польши, который хотел исполнить ее на фестивале хоров. В Польшу он сам ездил дирижером, для моего «Розария» записал партию органа, прислал партитуру, и я уверен, что когда-нибудь мы встретимся с ним лично и сыграем вместе живую.

«Кстати, также оригинальную запись для другой «Ave Maria» – Руджеро Леонавалло – мне прислали из Новой Зеландии. Они нашли очень редкую партитуру и записали партию живой арфы.»**«Биография» партитуры****«С какими мелодиями еще связаны истории, которые вас особенно удивили, потрясли, вдохновили?»**

— За четыре года их было много, все партитуры вызвали много эмоций, их сопоставление и проникновение в историю рождало открытия – и музыкальные, и касающиеся вообще развития стран, где они были созданы. Расскажу несколько.

Например, при выборе десяти мелодий для проекта под очень большим вопросом были самые известные «Ave Maria» Баха и Шуберта, потому что они не писали их именно как молитвы. То, что мы знаем как «Ave Maria» Иоганна Себастьяна Баха, – это первая часть клавира, которую уже Шарль Гуно немного переработал и положил на музыку текст молитвы. В таком соавторском варианте она стала знаменитой.

Пожокая история в процессе работы выяснилась и с аккоб «Ave Maria» Петра Чайковского. Из-за этого у нас даже вышел конфликт с московской составительницей сборников нот «Ave Maria». В выпущенном ею пятом томе я обнаружил «Ave Maria» Чайковского и удивился, потому что знаю его биографию, в которой есть эпизод скандала композитора с московской патриархией как раз из-за церковной музыки: он отправил прошение написать всенощную и получил отказ, в знак протеста написал ее и публично разорвал. После чего поддал иск патриархии в суд и выиграл его, совершив фактически невозможное. Поэтому для меня было странным увидеть эту партитуру. Спросил составитель, она рассказала, что это была ее инициатива: она взяла эту, который примерно совпал с текстом молитвы, самостоятельно положила его на слова «Ave Maria» и издала. Для меня такой вариант неприемлем, я не считал его авторской «Ave Maria» и даже не рассматривал, так как всегда внимательно и трепетно относился к первоисточникам. Создавать музыку для молитвы надо с чистыми помыслами.

«Ave Maria» Франца Шуберта, включенной в итоговый вариант проекта, тоже не всё однозначно. Изначально он писал не молитву, а песню на стихи Вальтера Скотта – «Третью псалма Эвелин». Она про маленьких девочек, которые, убежав от грозы, спрятались в пещере и заперли, начав со слов: «Аве Мария, спаси нас от ненастья». И теперь есть две версии этого произведения – как песни и как церковная молитва, которая появилась позже и принята официально, хотя, если присмотреться, видно, что текст неловко располагается в музыке, есть много нестыковок мелодии со словами.

В ВАТИКАНЕ НЕТ ПОТНОГО АРХИВА, В ОСНОВНОМ ТАМ ХРАНЯТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОСОФСКИЕ ДОКУМЕНТЫ, И ТУДА СЛОЖНО ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП.

«Круг красиво замкнулся»**«Как вы подбирали «обрамление» для десяти «Ave Maria»?»**

— «Отче наш» – канонический вариант, а вот «Глорию» сначала хотел написать сам, даже структуру разложил в голове, а потом на глаза попала партитура Иоганна Ринка, и оказалось, что если положить рядом его и мою структуру, то они будут почти идентичны, с той только разницей, что у него уже расписаны все ноты. И я взял его вариант.

Интересная история была и с обложкой. Будучи в Киеве, я познакомился с художником-кузнецом (к сожалению, во время начавшейся войны он пропал без вести, полтора года от него нет известий). Я рассказал ему, что для обложки проекта ишу розу, и он подарил мне ее выкованную, настолько потрясающе сделанную, что кажется, будто она настоящая.

Когда обсуждали обложку с фотографом, я подробно обрисовал, как вижу воплощение своей идеи: мне был нужен венок из десяти роз. Для этого привезенный цветок предстояло сфотографировать с разных ракурсов так, чтобы образы не были похожи друг на друга. Когда мне прислали эскиз обложки, в получившемся венке я увидел идеальный образ того самого евхаристического чуда. И чудом было то, что фотограф «вылепил» именно такой венок, хотя я не говорил ему о евхаристии, сподвигнувшей меня на создание «Розария». Я смотрел на венок и понимал, что круг во всех смыслах замкнулся, обложка стала возвращением к моменту и месту, где мне пришла идея «Розария».

Я часто думаю о том, что в моем «Розарии» математически, художественно, музыкально всё сошлось очень точно, с соблюдением всех законов физики, математики, гармонии – всё в нем по «золотому сечению». Очень редко бывает, когда проект получается настолько цельный, что сам удивляюсь как человек, который любит математику, историю, музыку, живопись.

Самая сложная молитва

— Вы исполняете «Розарий» и на церковных мероприятиях, и на отдельных концертах, но всегда сохраняются особенности восприятия слушателей, например, между мелодиями никогда не звучат аплодисменты.

— «Розарий» – это не светский проект, он имеет статус действующей молитвы, церковный сертификат, приравнен к молитвенному богослужению. Поэтому между исполнением «Ave Maria» нет аплодисментов: по смыслу это не десять отрезков, а цельная молитва из нескольких частей.

«Розарий» – это проект для вечности, и слушать его – тоже серьезная работа, как и играть. Когда мы с женой ставили текст, который будет сопровождать исполнение «Розария», то придумали сделать его концептуально в виде спиралевидной молитвы, которая идет от простого к сложному. Проще всего молиться за весь мир, чтобы всем было хорошо, за страну, город. Просто молиться за семью, потому что мы знаем, какие в ней есть сложности, и можем просить сил всем членам семьи пережить

их. А самое сложное – молиться за самого себя, просить за себя, поднимать в душе самое сокровенное. Это молитва не вслух, а про себя, и приближение к ней происходит в течение всего «Розария», композиция которого постепенно готовит приход слушающего человека к самому сложному.

Это неизмеримо трудно – даже про себя произнести: «Господи, открой мне, что мне на самом деле нужно». Ведь многие до смерти не догадываются, что им нужно на самом деле. Беготня житейская отвлекает, а когда остаются один на один с Богом – понимают. К сожалению, часто только перед смертью. Однажды мне пришлось навещать друга в хосписе, и я заметил, что все пациенты говорят одно и то же: «Жил суетно, а теперь, когда поправлюсь, тогда начну жить». Но «когда поправлюсь» там не бывает.

В хосписе страшно, но в нем бывает полезно оказаться здоровому человеку, потому что там приходит понимание, что жить надо настоящим. Хочется, чтобы люди, будучи здоровыми, сильными, талантливыми, приходили к пониманию того, что надо не существовать, а жить. Что самая большая драгоценность, которой они обладают, – это возможность жить.

Мне это очень помогало в трудные периоды жизни. Однажды лежал с переломами в больнице. Вокруг – бесконечные стоны, жалобы. И я сказал им просто: «С ума вы не сошли, перелом заживает, вам повезло, что остались в живых, так что переставьте стоны и думайте о своей жизни». Помогло. Отчаяние – это эмоциональное состояние, его можно преодолеть и в любой ситуации начать всё сначала. Раньше некоторые увязали и основывали на новом месте монастыри, но годятся и не такие радикальные методы, важно понять: «Я могу идти правильным путем».

А понять это можно во время просбы к Богу о раскрытии своего предназначения. Сложнее этой молитвы уже ничего не существует. Это верх эмоциональных, физических, психологических сил. Не каждый осмелится начать. Пособствовать этому призвана самая динамичная, громкая «Ave Maria» Мендельсона. Она дает правильный результат: у слушающего происходит катарсис, уходит отчаяние, опустошенность, перемалываются внутренние противоречия, и на их месте в душе возникает чистое пространство. И понимаешь: вот она, жизнь, и не так уж она плоха, и есть шанс что-то изменить.

Осознание этого момента заложено и у Мендельсона, и в проекте в целом. В нем столько наложенный всех правил, законов музыки и мироустройства, что он становится выше человеческих возможностей. Поэтому я не приписываю себе авторство, понимая, что был инструментом для исполнения высшего замысла.

Знаете, у меня много концертов, кроссоверных, где я играю рок, блюз, джаз-рок, современный рок в барочном стиле или классику в роковом стиле. В работе постоянно какие-то новые проекты. Но «Розарий» – это особый проект для меня. То, чем я могу гордиться. То, что останется, когда меня не станет. В этом есть высшее счастье для творческого человека.

Беседа Анна Важенина
Фото Николая Урсупенко